

Семейные встречи

Тору Мотидзуки

После разговора с Джунотом, состоявшегося накануне вечером, когда Яреци спала, Тору понял для себя две вещи: первая - затягивать с визитом к матери не стоит, чтобы не усугублять ситуацию еще больше, и вторая - сразу из дома его никто не выгонит, несмотря на накопившиеся обиды. Если бы отец был жив, то, возможно он, как самый импульсивный член семьи, отправил бы его куда подальше, но теперь хозяином дома считался его старший брат Рюхей, а тому, по большому счету, было плевать, где он был, чем занимался и позорил ли в это время семью. В отличие от второго брата Шотаро и своей жены, которая всегда на дух не переносила непутевого младшего сына семьи Мотидзуки, он всегда относился к Тору достаточно нейтрально.

Вылезать из теплой кровати, выпуская Яреци из своих объятий, не хотелось ужасно, но, не видя смысла оттягивать неизбежное, Тору поцеловал еще спящую девушку в щеку, поднялся, привел себя в порядок после сна и отправился готовить завтрак, чтобы подкрепиться перед грядущей "битвой" за право считаться членом семьи и отдать отцу последние почести. Был еще один важный момент - знакомство Яри с его матерью, за которой он переживал чуть ли не больше, чем за все остальное. Джун, согласовав это с ним, сообщил, что дядя приехал с молодой невестой-иностранкой, но, естественно, не сообщил, насколько она молода. Так что, хоть их сегодняшнее появление и являлось ожидаемым, оно все равно должно было повергнуть родню в шок.

Завтрак прошел практически в молчании и, поставив посуду в раковину, Тору принялся собираться, тщательно подбирая свой гардероб. Поскольку в семье был траур, ему в любом случае стоило надеть черный костюм с белой рубашкой и черным галстуком. Но кроме самого костюма следовало проверить, насколько хорошо он сидит, как отглажена рубашка и прочие мелочи, которым мать придавала большое значение. Во времена вольной студенческой жизни он плевал на подобные негласные правила, не стесняясь появляться перед родителями в мятых футболках и потертых джинсах, но сейчас хотел сделать все как положено, соизволив даже завязать обычно распущенные волосы.

Дождавшись, пока Яреци соберется, он крепко обнял ее перед выходом, взял за руку и покинул уютный мир небольшой квартирки, погружаясь в атмосферу родного города. Он не стал звонить Джуну и просить довести их до родительского дома, чтобышний раз не втягивать племянника в семейные разборки, хоть дом из-за своих размеров и занимаемой территории и находился на самой окраине. Они с Яри вполне могли проехать на автобусе, а остаток дороги проделать пешком, давая себе время настроиться на непростую встречу. Если на что-то подобное, вообще, можно было настроиться.

Яреци Фернандес

Яреци проспала почти двенадцать часов, но зато проснулась в более хорошем состоянии и настроении, чем если бы поспала немного, потом проснулась, а затем

снова легла спать (и не только). Наверное, её действительно сильно укачало в самолёте, а потом в машине.

Проснулась она сама, её ничего ничего не разбудило. Тору уже был на кухне, и её ждал завтрак. Они молчали, перебросились только парой-тройкой незначительных фраз, а потом стали собираться. Яреци посмотрела на посуду и сначала решила её помыть, но в последний момент передумала. На встречу с родными Тору лучше не опаздывать. И лучше вести себя кротко и скромно. И стараться не разговаривать лишний раз.

Одевшись и приведя себя в порядок, она посмотрела на Тору. Ему очень шёл классический стиль, и она поправила ему галстук и ворот рубашки. Сама она надела тоже тёмное платье и накрасилась. На душе у Тору было беспокойно, и она тоже его обняла в знак поддержки. Она должна его поддержать в это тяжёлое для него и его семьи время. Она должна быть сильной и сделать всё возможное, чтобы сегодняшняя встреча не закончилась провалом. Потому что это у неё в семье такие замечательные отношения с папой, что, как бы она ни ссорилась с ним, он не переставал её любить и оберегать. А здесь всё по-другому. Из-за того, что она проспала так долго, они не успели обсудить какие-то моменты, а сейчас не было смысла их обсуждать.

Они вышли из дома и шли в молчании, погруженный каждый в свои мысли. Яреци сжимала руку своего любимого, надеясь, что это хоть как-то его поддержит. Она пока не решалась нарушить молчание, но всё-таки не удержалась.

- Я буду с тобой, я не брошу тебя, любимый, - тихо сказала она, посмотрев в его глаза.

На всякий случай она настроила ментальный щит. Так спокойнее. Намного спокойнее...

Тору Мотидзуки

Яреци пыталась его подбодрить, хотя и сама, наверняка, нервничала. В Японии для нее все было новым и непривычным, особенно люди и их нравы. Она не разбиралась во всех тонкостях этикета, не знала, как к кому обращаться и что следует говорить в каждом конкретном случае, чтобы ее не посчитали невежливой. Поэтому ее незнание языка здесь могло оказаться даже кстати - если в ее адрес будет сказано что-то не слишком приятное, допусти она какую-то грубую ошибку, ей все равно не суждено было это понять. Хотя большинство его родных никогда не позволяли себе откровенных грубостей, унижая достаточно тонко и не всегда понятно для собеседника, а жена старшего брата, в отличие от своего мужа не умеющая лишний раз держать язык за зубами, не знала английского, так что могла злопыхать сколько угодно.

- Спасибо, я чувствую твою поддержку. - Тору поднял руку девушки, которую сжимал в своей и нежно коснулся губами ее пальцев. Он знал, что Яри в любом случае будет с ним рядом, и обещал себе оберегать ее от любых возможных нападков со стороны.

Их квартира располагалась недалеко от автобусной остановки, так что первый этап пути не отнял много времени, как и сам переезд на автобусе, приведший их практически на окраину города. Эти места Тору помнил хорошо, даже слишком, хотя, казалось бы, прошло немало лет с тех пор, как он проходил этой дорогой последний раз. Огромное двухэтажное чудовище, называемое родительским домом, располагалась в самом конце улицы и оттяпывало еще нехилый кусок территории вокруг себя. Тору никогда не понимал, зачем выкидывать огромные деньги и строить такую махину, для относительно небольшой семьи, забирающую массу времени и сил на свое содержание. Даже когда бизнес отца переживал непростые времена, тот упрямо отказывался его продавать, экономя на всем, на чем только можно, включая приходящих наемных работников, которые должны были помогать матери хозяйству, заставляя ее справляться со всеми делами в одиночку. Не удивительно, что в своем детстве Тору мог вспомнить немало дней, в течение которых не перекидывался с матерью ни единым словом. Хотя причина практически полного отсутствия общения была, наверное, не только в этом.

- Мы пришли, - он указал на здание и, прежде чем подняться по ступенькам и позвонить в звонок, решил проинструктировать Яреци. - Обращайся к матери "ока-сан". Это что-то вроде уважительного "матушка". К брату - "они-сан", а к его жене, если будет такая необходимость "онэ-сан". Он не стал забивать девушке голову историями про приставки, суффиксы и их значения. Когда же все последние важные слова были сказаны, Тору крепче сжал маленькую женскую руку, проделал несколько шагов, отделяющих его от знакомой двери и нажал на звонок.

Яреци Фернандез

- Все будет хорошо, - уверенным голосом прошептала она, забираясь в автобус. Автобусы здесь были совсем другие, не похожие ни на развалюху в Лхасе, что пыхча и чихая ехала до безымянной деревушки, от которой петляла дорога в загадочный монастырь, ни на московские автобусы. Здесь вообще все было другое, но сейчас она поняла, что заинтересовало ее больше всего - это левостороннее движение. Вчера она как-то не обратила на это внимания.

Автобус ехал недолго, и они вышли на остановке. Недалеко стоял двухэтажный дом, в котором прошло детство Тору. Дом, в котором, возможно, появится место для его раненого сердца. Он должен найти место, где ему будет комфортно и спокойно. Где будет ждать семья. Где будут любить. Интересно, это реально?

Она выслушала его наставления и сглотнула, проговорив про себя, как к кому обращаться. Ментальный щит держался, и это ей давало уверенность, что все будет хорошо. Она сделает все возможное, чтобы у Тору не было проблем. Хотя она не знала, как это сделать. И ей было страшно, что она может что-то сделать не так.

Пока дверь не открылась, девушка рассматривала цветы, растущие у крыльца, которые были заботливо высажены, вероятно, его матерью.

Тору Мотидзуки

Ожидание длилось недолго. Буквально через пару минут дверь открылась и перед ним предстала Мотидзуки Фуэми - жена старшего брата и весьма неприятная особа.

Не самое обнадеживающее начало, но с этим он уже ничего не мог поделать. Фуэми была ровесницей брата, так что ей давно перевалило за пятьдесят и, в отличие от некоторых женских лиц, возраст явно не пошел ей на пользу, еще сильнее заострив черты, жутковато смотрящиеся в сочетании с постоянной, словно приклеенной к губам полуулыбкой.

- Нэ-сан, рад тебя видеть в добром здравии. Ты позволишь нам войти?

Судя по лицу Фуэми, та уже хотела было рассыпаться в словах приветствия, как ее взгляд упал на Яреци, и она резко замолкла на полуслове и, протаращившись на девушку в течение секунд тридцати, позволила себе рассмеяться.

- Тору, по словам Джуна ты приехал с невестой, а я вижу рядом ребенка. Может, племянник перепутал, когда хотел сказать, что ты решил кого-то удочерить. - Она отошла в сторону, пропуская их в дом. - Рюхей-сан, тут пришел твой младший брат с какой-то школьницей. Не желаешь его поприветствовать?

Слушая Фуэми, Тору поморщился. За то время пока они не общались, она ничуть не изменилась, продолжая говорить гадости с улыбкой и отвратительным приторным тоном. Для него до сих пор оставалось загадкой, как брат столько лет живет с подобной женщиной, хотя причины их брака были очевидны - значительные инвестиции, сделанные ее отцом после свадьбы в их семейный бизнес.

Тору быстро снял обувь и поставил ее в специально отведенное для этих целей место, давая Яреци понять, что ей стоит следовать его примеру. А затем провел девушку в просторную гостиную, где их уже ждал Рюхей, не ставший комментировать его спутницу и ограничившийся сухим приветствием.

- Ни-сан, - Тору кивком поприветствовал брата, - это Фернандес Яреци. Не моя приемная дочь, не какая-то школьница, - он бросил быстрый взгляд на продолжавшую противно улыбаться Фуэми, - а моя невеста. Надеюсь, вы примете нас, как часть семьи Мотидзуки.

Яреци Фернандес

Дверь открылась, и перед ними предстала женщина. Яреци видела мало японок, но могла с уверенностью сказать, что те японки, которых она видела в аэропорту или в автобусе, были симпатичнее, если можно так выразиться. Женщина мерзко улыбалась, и девушка мысленно окрестила её "змеёй". Она не сомневалась, если Тору тоже её так называл. Она хотела улыбнуться, но просто опустила голову в почтительном жесте. Потом снова посмотрела на неё.

Начались разговоры, смысл которых она не понимала. Хотя смех женщины ей совсем не понравился. Он был какой-то... змеиный... Яреци незаметно хмыкнула, стараясь взять себя в руки, хотя паника потихоньку начинала зарождаться где-то в районе живота. Здесь можно было прикинуться дурочкой и делать вид, что тебя вообще не существует. Судя по издевательскому, ей так показалось, тону женщины, она пренебрежительно отзывалась о ней. И, вероятно, было хорошо, что девушка не понимала языка и всего, что происходит. Тору ничего этой женщине не ответил и разулся. Девушка сняла обувь и аккуратно, следуя его примеру, поставила обувь на

специальное место. Потом за Тору прошла в гостиную, где их ждал уже его старший брат. Яреци посмотрела на него и почтительно склонила голову. По крайней мере, так иногда делали в монастыре, да и в Москве она этот жест видела, поэтому думала, что в нём нет ничего ни обидного, ни неправильного. Лучше молчать, пока к ней не обратятся. она надеялась, что к ней вообще никто не обратится, но эта надежда была ничтожно мала, и она знала, что ей всё равно придётся говорить. Как хорошо, что последнее время она говорила с Тору и папой на английском. А то вот забывается, если нет практики. она столкнулась с этим, вернувшись в Москву. Русский язык в первые недели был ужасен, а папа не хотел разговаривать с ней на русском, предпочитая английский. Так что это было хорошо. По крайней мере, не опозорится, сказав что-то неправильно. А то вдруг они знают английский в совершенстве?

Так что пока она стояла рядом с Тору, готовая к тому, что либо на неё обрушится шквал критики и негодования, или на Тору, или на них двоих. Что же, надо постараться принять это. Только это очень сложно.

Тору Мотидзуки

Яреци, наверняка, сейчас было очень тяжело. Она находилась во враждебной среде и не понимала ни слова, кроме своего имени, хотя и догадывалась, что ее персона может активно обсуждаться. Но пока девушка держалась хорошо, демонстрируя скромность и почтительность - качества, весьма ценимые его матерью, которая пока так и не вышла, чтобы посмотреть на своего блудного сына.

В ответ на его слова Рюхей долго молчал, а затем пожал плечами и кивнул в сторону семейного алтаря, на котором вместе с табличками с именами бабушки и дедушки стояла фотография отца.

- Это не мне решать. Я же с тобой не ссорился.

И это было правдой. Тору редко общался со старшим братом, поскольку поговорить им особенно было не о чем, но они всегда относились друг к другу достаточно нейтрально, не мешая жить так, как каждому того хотелось. Но пусть Рюхей формально и стал главой семьи, он явно намекал на то, что раз конфликты у младшего брата были с родителями, то и договариваться он обо всем должен с ними. И, поскольку, отец уже не мог высказать свое мнение по этому вопросу, решающее слово оставалось за матерью.

А мать все не появлялась, заставляя нервничать и думать, что она может и вовсе проигнорировать визит сына и его девушки, показывая тем самым свое нежелание иметь с ними хоть что-то общее. Так что приходилось довольствоваться тем, что есть - фотографией отца. Тору успокаивающе коснулся подозрительно подрагивающей руки Яреци, пытаясь передать, что они со всем справятся, и пошел в сторону алтаря, чтобы выказать свое уважение. Фото явно было сделано в последние годы жизни отца, поскольку таким старым он его еще не видел, хотя и с годами, отцу удалось сохранить сталь во взгляде, которая чувствовалась даже с бездушного снимка. В юности Тору считал себя абсолютно непохожим на Мотидзуки Рэна, но чем старше становился, тем больше отцовских черт находил в своем лице. Забавно, но сейчас он походил на него даже больше, чем Рюхей или Шотаро.

Тору опустился на колени и сложил руки в молитвенном жесте. Он хотел что-то сказать отцу, но пока не знал что. Разрозненные мысли не складывались в слова, так что он просто прикрыл глаза и постарался очистить разум от лишнего мусора.

Яреци Фернандез

Тору сильно нервничал, и девушка не знала, что можно сделать, чтобы ему стало как можно спокойнее и лучше. Старший брат что-то сказал, и девушка посмотрела на Тору. Затем мужчина кивнул на небольшой алтарь с фотографией пожилого мужчины, отца, и какими-то табличками. Он отличался от привычных ей надгробных плит или алтарей, что устанавливают в привычном ей мире на кладбищах или, очень редко, в какой-нибудь комнате, если это собственный дом. Как она успела изучить, еще находясь в Москве, здесь были вообще другие обычаи, и даже кладбищ как таковых в этой стране не было. Вроде бы тело кремировали, а потом распыляли по ветру. Хотя это достоверно не известно, и она не удивится, что эти все ее знания неправильные...

Она слабо мотнула головой, решив, что это не та тема, о которой надо думать. Тору ушел к алтарю и, вероятно, стал молиться, отдавая дань памяти своим ушедшим в вечное путешествие родственникам. Девушка осталась на месте, так как не знала, что нужно делать. Но никто ей ничего не сказал, поэтому она пока стояла одна, стараясь стать как можно менее заметной. Она опустила голову и прикрыла глаза. В голову залетела безумная мысль помолиться. Почему безумная? Она редко молилась, не умела это делать, и она сейчас вообще сомневалась, что это будет уместно в данной ситуации. Но может быть это поможет? От чего и чем она не знала, но, вздохнув, решила помолиться. Папа как-то рассказывал, что, отдавая дань ушедшим, главное делать это искренне и верить, что это поможет обрести покой. Она не молилась, когда умерла ее прабабушка, не молилась, когда умерли папины родители. Она вообще не молилась. Лишь однажды, когда запуталась в своих ощущениях, надеясь, что забыла Тору. Но оказалось, что забыть его она не смогла. И теперь уж точно не сможет забыть...

Почему-то сердце стало разрываться от боли, а в горле застрял комок. Она глубоко вздохнула, и ее губы зашевелились в безмолвной молитве. Это был первый раз, когда она молилась за сохранение души абсолютно неизвестного ей человека, который, вероятно, мог бы выгнать ее из этого дома... теперь оставалось слово за матерью Тору, которая почему-то не появлялась...

Путеводная Нить

Мотидзуки Чиеко за свои семьдесят восемь лет жизни теряла самообладание настолько редко, что, наверное, все эти случаи можно было пересчитать по пальцам. Последним из них стала смерть мужа, рядом с которым она провела всю свою жизнь, а вот теперь возвращение сына, не появлявшегося в родном доме уже больше десятка лет. Она знала, что он придет сегодня вместе со своей, как выразился Джун, молодой невестой, и хоть никак не прокомментировала слова племянника, с самого утра непроизвольно стала поглядывать в окно, пока действительно не увидела две приближающиеся к дому фигурки, держащиеся за руки.

С большого расстояния при заметно ослабевшем за последние годы зрении она не смогла толком рассмотреть сына и его спутницу, но даже того, что она успела увидеть хватило, чтобы понять - ее Тору заметно возмужал, как в своем внешнем облике, так и в своем отношении к женщине. Чиеко никогда не позволяла себе появляться на людях, даже если это были члены ее семьи, в "растрепанных" чувствах, так что ей потребовалось какое-то время, чтобы унять учатившееся сердцебиение, собраться и, как обычно, с абсолютно прямой спиной и, несмотря на возраст, твердым шагом спуститься в гостиную и поприветствовать пришедших.

Представшая перед ее глазами картина оказалась в чем-то предсказуемой, а в чем-то удивляющей одновременно. Рюхей, еще не привыкший к роли главы семьи, чувствовал себя неуютно, его жена как всегда противно улыбалась, любопытно поглядывая на испуганную девочку, чьи губы шевелились то ли в молитве, то ли в попытке повторить что-то ранее заученное, а Тору, ставший еще больше похожим на Рэна, сидел у семейного алтаря и выглядел таким примерным, каким, пожалуй, бывал только в раннем детстве.

Тору Мотидзуки

Легкий знакомый шорох, говорящий о появлении матери, заставил его открыть глаза, резко вскочить и повернуться в сторону женщины, подарившей ему жизнь, но так и не ставшей для него по-настоящему близким человеком. Она заметно постарела, но все равно сохраняла прямую, как струна, осанку и излучала уверенность, заставляющую бояться ее, ни разу на его памяти не повысившую голос, сильнее постоянно ругающегося отца.

Тору сделал несколько шагов ей навстречу, по дороге взял Яреци за руку, чтобы они подошли к матери уже вместе, и поприветствовал ее уважительным поклоном. Конечно, в большинстве японских семей общение не было столь формализованным, как в его собственной, но сколько он себя помнил, мать всегда требовала соблюдение этикета, нередко подменяя им обычное душевное общение.

- Ка-сан, - рад тебя видеть. Позволь тебе представить Фернандес Яреци. Она не понимает японского, так что я бы просил вести наш дальнейший разговор на английском.

Подобная его просьба явно не устроила Фуэми, не знающую иностранных языков и остающуюся, при таком раскладе, вне разговора, чего она очень не любила. Так что пока у нее имелась такая возможность, она решила сказать хотя бы парочку гадостей, чтобы не чувствовать, что день прошел зря.

- Тору, дорогой, тебе не кажется, что ты и так слишком много времени провел среди иностранцев? Если и дома будешь говорить по-английски и вовсе забудешь родной язык. Ты хочешь совсем огорчить матушку? Она и так переживала, когда ты решил проигнорировать похороны отца. А сейчас ты возвращаешься в родительский дом после долгого отсутствия с каким-то ребенком, подобранным ради забавы и диктуешь свои правила. Это некрасиво.

Тору всегда считал, что не стоит связываться с убогими, но направленные в его адрес слова пробудили в нем дикое желание открутить Фуэми ее болтливую голову.

Но он должен был сдерживаться, позволяя себе только чуть сильнее обычного сжать зубы. Любая, даже глупая, ссора могла сейчас перечеркнуть все достижения и поставить крест на возможности наладить отношения с матерью.

Яреци Фернандез

Есть такие книжечки, продающиеся в церквях и храмах, в которых есть примеры молитв, которые являются чуть ли не канонам. Только поменять имя, а текст должен быть такой, как в книжечке. Про католические храмы она такое не слышала, но иногда ей попадались такие книжечки в православных соборах, а иногда даже в метро. Она не заморачивалась, жила себе спокойно, а тут вот раз - и ей понадобилось помолиться. Зачем? Она не могла ответить на этот вопрос. Но определённо стало как-то спокойнее...

Её беззвучная молитва была прервана сначала звуком шагов, а потом в реальность её вернул Тору, взяв за руку и куда-то потащив. Она мотнула головой, сглотнула и подняла голову. Перед ней стояла женщина. Пожилая, хотя возраст выдавали, наверное, только морщины на её лице. Она излучала собой власть, уверенность и внушала страх. Она была сильной женщиной, строгой. Такой же, как её бабушка по материнской линии. Яреци почтительно склонила голову, снова сглотнула и открыла рот, чтобы поздороваться, как, во-первых, все обращения, о которых говорил Тору, мгновенно вылетели из её головы, а во-вторых, та женщина, которая им открывала дверь, снова стала что-то говорить. Судя по тону и реакции Тору, что-то не очень хорошее. Девушка сжала его руку, чувствуя, что он напрягся. Она хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Лучше не говорить ничего.

Она вновь посмотрела на хозяйку дома, снова склонила голову, а потом, глядя на неё, стала лихорадочно вспоминать обращение, которое нужно использовать. Почему же нельзя просто притвориться рыбкой и молчать? Какое же обращение нужно использовать?

- Онэ... ока-сан, здравствуйте, - сказала девушка дрожащим от волнения голосом, почтительно поклонившись женщине. И заметно побледнела. Сердце, кажется, пропустило удар. Ей показалось, что она только что сделала что-то очень ужасное, и теперь её точно выгонят из дома. Она не смогла даже выучить три обращения простых...

Путеводная Нить

Естественно, её появление не осталось незамеченным для большинства находящихся в комнате. Тору так сразу вскочил с колен и бросился ей на встречу, прихватив по дороге свою подругу. Удивительно, как время меняет людей, но её строптивый сын действительно пытался сейчас предстать перед ней в хорошем свете. Причем его старания были столь велики, что он оставил без комментариев откровенную грубость со стороны Фуэми, которой в прошлом не спустил бы и половины подобных высказываний.

Его девушка тоже старалась произвести положительное впечатление, но пока всем своим поведением демонстрировала, что в бестактных словах Фуэми есть некоторая правота - она действительно была еще ребенком, совсем юным созданием, которое впрочем не стоило обижать, пользуясь ситуацией.

- Фуэми, дорогая, - обратилась Чиэко к невестке, копируя ее обращение к Тору, - поскольку у нас гости, следует поспешить с обедом. Прошу тебя сходить на кухню и за этим проследить.

Она знала, что Фуэми, даже скрипя зубами, не посмеет ей отказать, так что на время одной проблемой становилось меньше. Но оставшихся проблем все равно хватало, и одна из них стояла прямо перед ней, глядя на нее испуганными глазами на красивом молоденьком личике.

- Яреци... Я ведь правильно произношу? Рада с вами познакомиться. - Чиэко никак не прокомментировала оплошность девушки. Да и по большому счету следовало признать, что та, несмотря на то, что являлась иностранкой, производила приятное впечатление. Возможно, если ее обучить, из этой девочки могла получиться неплохая жена для кого-то из ее внуков. Но вот Тору... В этом случае все становилось немного иначе.

- Присаживайтесь, - она указала на кресла, стоящие недалеко от окна и подала Тору руку, чтобы он ее проводил. Она давно не дотрагивалась до сына и, стараясь скрыть нахлынувшие эмоции, решила высказать в завуалированной форме то, что уже давно не давало ей покоя. - Приятно, что ты так востребован, что у тебя совершенно не остается свободного времени.

Чиэко до сих пор не могла до конца простить сыну, что он пропустил похороны отца, как и то, что не смог наступить на свою гордость и оказаться здесь хотя бы на пару месяцев раньше.

Тору Мотидзуки

Наверное стоило потратить больше времени, чтобы объяснить Яреци основные правила, принятые в его семье, но сначала, он не хотел перегружать девушку информацией, потом ему было жалко ее будить, когда она так сладко спала, так что в итоге винить в небольшом оплошности со стороны Яри он мог только себя. Чтобы как-то подбодрить девушку, Тору крепче сжал ее руку и бросил предупреждающий взгляд на Фуэми, чтобы она не вздумала комментировать произошедшее, хотя и не был уверен в эффективности такого действия. К счастью, мать вовремя вмешалась, отправив жену брата на кухню и демонстрируя, что ее голос, несмотря на возраст, все еще обладает практически безграничной властью.

Конечно, мать никак не стала комментировать оговорку, в свойственной ей манере сделав вид, что ничего не произошло. И даже соизволила подать ему руку, хотя прекрасно могла передвигаться сама, что, в общем, можно было считать хорошим признаком. Хотя ее слова, произнесенные абсолютно ровным тоном, явно содержали в себе обиду и ставили в тупик, что же говорить дальше. Что-то объяснять было глупо. Здесь все и так хорошо понимали причины его длительного отсутствия. Просить прощения? Тору не был уверен, что сейчас готов к этому, поэтому дорогу до кресел так и проделал в молчании, которое, в определенный момент, стало практически невыносимым.

- Может хоть расскажешь, где тебя все это время мотало, и где ты познакомился со

своей... невестой? - Вопрос Рюхей, как и предыдущие слова матери, прозвучал на ломаном английском и, несмотря на не слишком приятные форму и содержание, помог преодолеть некоторую царящую неловкость.

- Я бывал в разных городах Китая и во Вьетнаме, - Тору сел напротив матери и кивнул Яреци, чтобы она села с ним рядом. - Какое-то время жил в небольшой деревеньке в Тибетских горах, а затем перебрался в находящийся неподалеку монастырь. Собственно там я и познакомился с Яреци. Последние несколько месяцев я находился в России, откуда уже и прилетел в Японию.

Если бы здесь был Шотаро, он бы точно прокомментировал его слова чем-то вроде: "все понятно, десять лет бездельничал" или "только ты мог догадаться искать девушку в монастыре", но Рюхей не был похож на второго брата, поэтому просто хмыкнул и снова замолчал, словно пытаясь подобрать еще какой-то вопрос, приличествующий хозяину дома, который после некоторых раздумий и задал, уточняя у Яреци, какое впечатление на нее произвела Япония.

Яреци Фернандез

Обстановка давила на нее. Она боялась, что сейчас все закончится, что ее выгонят из дома. И самое страшное, что она успела себе напридумывать за эти короткие секунды, - ее выгонит Тору. Любимый Тору, который вдруг поймет, что она ни на что не годится...

Начала сильно болеть голова, и она вздохнула. Снова из-за стресса она не смогла удержать ментальный щит. Она не смогла чему-то обучить Дарсию, как только вмешался ее брат, она не могла сопротивляться Маркусу, потому что начинала болеть и не могла концентрироваться, чтобы удерживать ментальный щит, хотя он и не использовал ментальную магию. Она не смогла сейчас совладать со страхами и запомнить, как нужно правильно обратиться к матери Тору. Потому что обстановка была напряженной. На что она надеялась, отправляясь с Тору в это путешествие? Почему она тогда, давно-давно, не ушла от дуба, как только он чуть не налетел на нее? Она всего лишь ребенок...

Она уже приготовилась к тому, что ее в грубой форме вышвырнут из дома, хотела это принять как должное, но услышала голос. Строгий и властный. Посмотрела на женщину и поняла, что та что-то сказала этой змеюке. Потом мама Тору обратилась к ней, и это заставило ее сглотнуть и вздрогнуть. Английская речь была непривычной, но это заставило ее слегка облегченно вздохнуть. Она снова учтиво поклонилась женщине и, решив не комментировать ее слова, следом за ними направилась к стоящим креслам. Ноги показались чужими, но она не подала вида. Тору стал сопровождать свою мать, и, глядя на их спины, она подумала, что попробует сделать все от нее зависящее, чтобы Тору попросил у своей матери прощения, и чтобы в этом доме царил мир. Неизвестно пока, как она это сделает, но нужно попробовать...

Она села в кресло рядом с Тору и выпрямилась, лихорадочно вспоминая правила этикета. Она сама была ограждена от всего этого, папа относился к ней более лояльно, чем бабушка по маминой линии. Родители рассказывали как-то, что мамыны родители были против этого брака, и папе пришлось приложить очень

много усилий, чтобы его приняли в ее семью. Он был простым поваром, в то время как родители мамы добились достаточно большого влияния в Испании. И у мамы были конфликты с родителями из-за того, что они не хотели крестить дочь, прививали ей другие ценности, жили иначе. Но девочка старалась учить правила этикета, чтобы не только нравиться бабушке, но ей это было интересно. И вот сейчас это может пригодиться.

Она села чуть ли не на край кресла, выпрямилась, ноги поставила вместе, расправила юбку платья и оставила руки на коленях. Нужно успокоиться. Если ее не вышвырнули сразу, то может и не вышвырнут. Стало как-то спокойнее, и паника постепенно отступала. Она глубоко вздохнула и, услышав Тору, посмотрела на его брата, когда он спросил про Японию.

- Они-сан, - почтительно склонила она голову. Голос все еще дрожал, но в нем чувствовалась уверенность, которая, впрочем сразу исчезла, когда она стала отвечать на вопрос. - Япония - очень необычная страна. И... - она задумалась, - мне понравилась... здесь другая атмосфера... - она неуверенно замолчала и опустила глаза

Путеводная Нить

Тору молчал и, пожалуй, это было лучшим, что он мог сделать. Чиэко не любила, когда люди пытались найти оправдания своим поступкам, причины которых и так лежали на поверхности. По большому счету, ни одно слово сына не могло изменить того, факта, что он узнал о смерти отца уже слишком поздно, для того, чтобы его присутствие могло что-то изменить. Поэтому она посчитала его молчание за осознание своей вины и приняла его вместо просьб о прощении.

Пока Рюхей не слишком успешно пытался завязать разговор, Чиэко не столько слушала ответы, которые в любом случае были достаточно поверхностны, сколько наблюдала за сыном и его девушкой. Тору действительно изменился, и хоть она все еще чувствовала кипение его мятежного духа, он научился его до какой-то степени укрощать. И к этому ей тоже стоило привыкнуть, хотя подобное поведение намного лучше подходило его неюному возрасту. А еще он совершенно точно относился к сидящему рядом с ним нежному созданию со всей возможной серьезностью. Как, пожалуй, не относился на ее памяти ни к одной женщине. И это создавало серьезную проблему, поскольку не имея ничего против самой Яреци, производящей впечатление, несмотря на свое желание жить со зрелым мужчиной, достаточно приличной, просто по уши влюбленной девочки, Чиэко видела все подводные камни этого союза. По ее мнению, партнера стоило выбирать трезвым умом и уж только потом сердцем, а, к сожалению, первого ни одному, ни другой из этой странной пары явно не доставало.

- Яреци, - Чиэко неожиданно прервала свое молчание, - Мне тут захотелось подышать воздухом. Не составишь мне компанию, чтобы дать братьям пообщаться после долгого расставания без женских ушей?

Она грациозно поднялась с кресла и направилась в стороны выхода, кивком приглашая девушку последовать за собой. Чиэко не сомневалась, что с ее упрямым сыном разговаривать бесполезно, но надеялась хоть как-то достучаться до его так

называемой невесты, потому и решила вывести ее из дома, в котором та явно чувствовала себя некомфортно.

Тору Мотидзуки

Пока Яреци справлялась и со своим волнением, и с общей давящей на нее атмосферой, но Тору не был уверен, что она сможет продержаться достаточно долго в этом мире, где не принято проявлять лишние эмоции. Конечно, на вопрос о впечатлениях она ничего конкретного ответить не смогла, поскольку еще толком и не познакомилась с самой Японией, которую, в основном, видела из окна автомобиля или городского транспорта. Но ее ответ можно было считать вполне подходящим в нынешней ситуации, так что, когда она закончила говорить, Тору на несколько секунд прикрыл глаза, показывая, что все хорошо.

А вот последовавшее за этим приглашение его немного испугала. Несмотря на глупую отговорку о необходимости не мешать ему с братом, с которым он и в юности особенно не общался, налаживать родственные связи, было ясно, что мать хочет поговорить с Яри наедине. И подобный разговор, если за последние несколько лет ничего не изменилось, не предвещал ничего хорошего. Так что первым его порывом было вмешаться и не дать матери окончательно запугать и без того трясущуюся девушку. Но в последний момент он все же сдержался, бросив на Яреци взгляд, говорящий, что даже если она найдет предлог отказаться, он не будет ее в этом осуждать.

По выражению лица матери Тору так и не понял, что она думает о Яреци, но ничуть не сомневался, что грядущей разговор станет серьезной проверкой или и того хуже, попыткой отговорить Яри от продолжения их отношений. Но он доверял своей девушке и не сомневался в его готовности противостоять всевозможным трудностям, раз уж она решилась прилететь с ним в Японию и познакомиться с его родней. Хотя он знал о великом даре убеждения своей матери, которому редко удавалось сопротивляться неподготовленному человеку, поэтому, несмотря на попытки себя успокоить, чувствовал все нарастающую тревогу.

Яреци Фернандез

Некоторое время царило молчание. Женщина смотрела на неё очень внимательно, строго. Ей казалось, что всё-таки это ничем хорошим не закончится, и её попросят уехать и перестать общаться с Тору. Да, она была уверена, что так и будет, ведь это действительно считалось ненормальным, и, по сути их отношения приняли только её родители. Подружки в институте, конечно, не знали всего, но думали, что это не серьезно. Даже Дарсия слишком удивилась и, кажется, чуть не отошла от неё. Наверное, это действительно правда - она не может быть с Тору. Она не будет сопротивляться, если её не примут здесь. Её не приняли и не ждали.

Как же она хотела узнать, о чём они говорили до того, как к ней обратились. Наверняка обсуждали не только её персону, но и неуважение Тору к проводам отца в последний путь. Она очень хотела, чтобы по большей части было обсуждение этого момента, а не того, что она, такая маленькая девчонка, которая только недавно закончила играть в куклы, охмурила такого взрослого мужчину. Ведь она сюда поехала не для того, чтобы доказывать это, а чтобы Тору помирился с родней, поговорил с отцом, и чтобы на душе у него, Тору, стало спокойнее. Хочется, чтобы

всё было именно так. Невыполнимое желание...

А потом женщина предложила ей пойти подышать воздухом, и в этом сообщении она почувствовала угрозу. Сначала хотела отказаться, мысленно сжавшись в маленький комочек, но потом поняла, что не должна бежать от проблем. Если она сейчас откажется поговорить с женщиной, то это навсегда разорвёт возможность чего-то хорошего. Она посмотрела на Тору. Сосредоточилась и сформулировала мысль. Обволокнула её синими нитями энергии и осторожно потянула в его сознание. Осторожно коснулась сознания и положила туда свою мысль *всё хорошо, не волнуйся*. Потом слобо кивнула и, посмотрев на женщину, встала следом. Бросила взгляд на брата Тору и вежливо ему поклонилась в знак прощания. Так требовал этикет. Её, западный, этикет. Тот, который здесь, наверное, не имел силу.

Она направилась следом за женщиной, настраиваясь, что разговор будет очень серьёзным. Наверное, самым серьёзным в её недолгой пока жизни.

Путеводная Нить

Ее предложение явно напугало девочку и заставило Тору чуть ли не подпрыгивать на месте, изнывая от желания ее остановить. Но, нужно отдать ему должное, он все же сумел сдержать свой порыв, оставшись сидеть на месте и провожая ее и свою трясущуюся подругу неодобрительным взглядом.

- За домом есть чудесная скамейка, сидя на которой можно любоваться цветами и вести неспешные беседы. А я полагаю, нам есть о чем поговорить.

Чиэко неторопливо обогнула дом и привела девушку в небольшой садик, который был предметом ее особой гордости. Когда она была моложе, то всегда ухаживала за ним сама, но сейчас у нее на это не хватало сил, так что она практически полностью передала заботы о нем Фуэми и, после недавней женитьбы старшего внука, его жене.

- Яреци, я не буду тратить время на пустые формальные беседы. - Чиэко села на обещанную скамейку и жестом пригласила девушку к ней присоединиться. - Как ты понимаешь, старики, вроде меня, учатся его ценить. Поэтому сразу перейду к сути. Я не стану спрашивать, сколько тебе лет. И так вижу, что совсем немного. Как и то, почему ты связалась с моим сыном. Твоя влюбленность может быть не заметна только слепому. И я вполне могу тебя понять. Твое сердце не первое, что купилось на темную ауру одинокого странника с ранимой душой. Но я надеюсь, ты достаточно умна, чтобы понять - только на этом ничего серьезного не построишь.

Чиэко внимательно посмотрела на Яреци, пытаясь определить, достигли ли ее слова сознания девушке или утонули в пелене застилающего его страха.

- Скажи, ты видишь свое будущее рядом с моим сыном?

Хоть ее возраст уже давно перевалил за седьмой десяток, Чиэко все еще помнила бурные эмоции юности, когда все видится совсем в других красках, а любовь кажется вечной и всепобеждающей. Но увы реальность немного отличалась от этой идиллической картины, и ей очень хотелось выяснить понимала ли избранница

сына, что может ждать ее в ближайшие годы, если она так и останется с ним рядом.

Яреци Фернандез

Они вышли на улицу, и девушка полной грудью вдохнула чистый морской воздух этого небольшого города, численность населения которого не превышает миллиона человек. Для какого-нибудь материка это мало, но вот Япония расположена только на островах, численность населения не такая уж и маленькая, но всё равно ей показалось за эти два дня пребывания в Японии, что воздух здесь чище, чем в Москве. Хотя, возможно, в Токио концентрация опасных примесей превышает предельно-допустимые значения, но вот здесь было как-то свежо. Вот только воздух не мог очистить её разум от неприятных и порой страшных мыслей.

Женщина села на скамейку, и девушка последовала её примеру. Опустилась на край скамейки, снова расправила юбку и положила руки на колени. Женщина начала разговор, и девушка стала думать, что ответить. Она для себя уже всё решила, но, вероятно, этот ответ, что она останется с Тору, постарается сделать всё, чтобы ему было с ней хорошо, чтобы он никогда больше не страдал, не понравится женщине. Конечно, любой матери, какого бы возраста она ни была, не понравится такой ответ какой-то мелкой девчонки, которая влюбится во взрослого мужчину. мама Тору, вероятно, хочет услышать другой ответ. Но нет, Яреци собирается бороться за своё счастье...

Только почему-то уверенности не было. Женщина, сидевшая на скамье рядом с ней, олицетворяла собой власть и силу, и девушка почувствовала, как на неё нахлынула очередная волна паники. Пальцы рук стали холодные, а тело снова стала пробивать пока ещё незаметная дрожь. Она сглотнула, почувствовав комок слёз, застрявший в гортани.

- Ока-сан, я... - она сглотнула и сжала руки в кулаки. - Я... не могу вам однозначно ответить на этот вопрос. Я думала, что произойдёт через пять или двадцать лет... я... понимаю, что у нас очень большая разница в возрасте, но... я...не брошу его. Я хочу, чтобы он был счастлив...

Она понимала, что несёт всякую ересь, была уверена, что эта пожилая женщина не терпит мямлей и нюней. Ей нужно собраться, но она не могла. Страх сковывал её сердце всё сильнее, нависая над ней чёрным облаком...

Путеводная Нить

Глядя на то, как находящаяся в панике девушка с трудом подбирает слова, чтобы ответить на ее вопрос, Чиэко печально покачала головой. При таком раскладе надеяться на какой-то конструктивный разговор не приходилось. Но она все равно решила не останавливаться и высказать свое мнение по этому вопросу в надежде, что когда девушка немного придет в себя, она сможет понять ее точку зрения и сделать правильные выводы.

- Яреци, я буду говорить прямо. Я не знаю тебя и поэтому не испытываю к тебе никакой личной неприязни. Но, несмотря на непростые отношения, я неплохо знаю своего сына и вижу, что по отношению к тебе он настроен более чем серьезно. Тору редко кого подпускает к себе близко и тем более для него терять того, кого он

решился впустить в свое сердце. В его случае, отпустить раньше - это намного гуманнее, чем тянуть до последнего и привязать к себе настолько, что неизбежная потеря станет для него невыносимой. Когда умерла его бабушка он был еще ребенком, но ее смерть так его поразила, что он не разговаривал ни с кем почти неделю. Как ты понимаешь, с годами все становится только сложнее.

Чиэко сделала небольшую паузу, давая девушке переварить полученную информацию. Тору наверняка немного ей рассказывал о своем детстве, а ведь именно там и скрывался ключик к его непростому характеру.

- Ты верно заметила, у вас очень большая разница в возрасте. Но страшно даже не это. Меня волнует то, что ты еще очень молода и не до конца понимаешь, что несут с собой взрослые отношения. Это сейчас он яркий, притягательный, способный легко заставить сильнее биться девичье сердце. А что будет лет так через пятнадцать? Когда ты будешь еще женщина в самом расцвете, а его лицо покроют морщины и в волосах появится седина? Когда тебе захочется летать и творить, а ему просто тишины и покоя? А вокруг будут появляться все новые молодые мужчины, способные разделить твои интересы и мечты, а ты будешь привязана к нему. И постепенно начнешь страдать, потому что обещала его не оставлять, но и такая жизнь, как есть, станет казаться невыносимой. А больше всего будет страдать он, видя все это, но не имея возможности и моральных сил что-то изменить. Желаешь ли ты такой жизни себе и любимому человеку?

Чиэко замолчала и направила взгляд вдаль. Конечно, она сгустила краски, и не всегда неравные по возрасту браки заканчивались столь печально, но она хотела, чтобы девушка посмотрела на ситуацию с разных сторон и, по-возможности, принимала решение трезво, без лишних иллюзий и веры только в светлое будущее.

Яреци Фернандез

Не к месту и не к времени вспомнился девушке фильм "Властелин Колец", а именно тот момент, когда Элронд пытался отговорить свою дочь, Арвен от замужества за Арагорна. Эльф и человек никогда не могут быть вместе. Эльф будет жить вечно, уплывёт в Валинор, а человек проживёт столько, сколько ему отведено. История Берена и Лютинь была примерно такой же. В реальном мире нет эльфов, а люди имеют свой срок жизни. И сроки у неё и Тору разные. Даже если им обоим суждено дожить до восьмидесяти лет, то последние двадцать Яреци придётся прожить одной.

Она никогда не бросит его. Она не может его бросить. Ведь она уже бросала его. Из-за влияния другого человека. Её ровесника, брата, скользкого и неприятного типа, влиянию которого она поддалась, причинив боль Тору. Человеку, который, как ей казалось, любил её. Мужчины слишком ранимы.

Она сильнее сжала кулаки, и ногти впились в кожу. До крови закусил губу, стараясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Ей казалось, что ещё чуть-чуть, и она снова заревёт, чем вызовет гнев этой женщины. Тору поймёт, что она психованная истеричка, а потом перестанет с ней общаться. Он её быстро забудет, как забывается что-то плохое. Но она... она не уверена, что сможет его забыть. Он был единственным человеком, которого она, хоть и хотела, не могла забыть.

- Простите, - тихо пробормотала девушка, чувствуя, что сил не осталось. Страх и тьма, беспробудная тьма, похитившая её душу, приближается, чтобы потом уйти, оставив её в одиночестве. Нет никаких сил бороться, что-то доказывать. Но плакать нельзя. Что делать? Согласиться, что она не сможет быть преданной любимому человеку? Уехать отсюда? Она совершила один раз ошибку, и за эту ошибку ей нет прощения. Она не простила себя, она никогда не простит себя за ту пощёчину. Ей нельзя доверять.

- Простите, - ещё раз пробормотала она, поднимая голову и глядя на женщину. Щёку обожгло, и она с ужасом поняла, что сил сдерживаться больше нет. По щекам покатились слёзы, а вместе с ними всё то, что давно надо было высказать. Не ему. А постороннему человеку. Любому. Просто высказать всё, что творится на душе. Его мать, конечно, не самый лучший вариант, но сейчас уже ничего нельзя было изменить.

- Я... я понимаю... что мы никогда не сможем быть вместе, мы никогда не сможем быть счастливы. Вы правы, мы... у нас слишком большая разница в возрасте, и... через время она не уменьшится... и... я боюсь причинить ему боль. Я боюсь, что не смогу всегда быть с ним... но... я... я не могу его забыть. Мы... познакомились с ним в монастыре... он мне казался очень... страшным... но потом... я не хотела видеться с ним. Я искала места, чтобы не встречаться с ним. Я уехала в Россию, чтобы забыть его. Я... не смогла забыть... мне снились кошмары с ним, я боялась, что он получил травму и может умереть. Я... бросила всё, чтобы спасти его... А потом... я сильно виновата в том, что... мы поссорились с ним, я дала ему пощёчину, хотя... он был прав. Я бросила его однажды... я...

Она закрыла лицо руками и сильно прикусила губу, чтобы успокоиться. Плечи вздрагивали от всхлипов, рыдания душили её, не давая дальше говорить. В какой-то момент стало вроде бы легче, и она посмотрела на женщину.

- Ока-сан, мне страшно... что мне делать? Я... понимаю, что мне нужно расстаться с ним, чтобы он стал счастлив, но... мои чувства должны волновать только меня, но не вас... не ваших детей... не вашу семью. Но... прошу вас, пожалуйста, простите его. Он... он хотел приехать сюда раньше, но я... это из-за меня он не поехал сюда... прошу, он очень вас любит. Простите его, помогите ему найти дом, который он потерял. - Она снова зарыла лицо руками и заплакала. Она даже не понимала, что вела себя вообще отвратительно. Теперь всё, Тору точно перестанет с ней общаться. Наверное, это карма - она его предала этой пощёчиной, и теперь она должна понести наказание...

Путеводная Нить

Чиеко догадывалась, что девушка может бурно отреагировать на ее слова, но, в итоге, реакция превзошла даже самые смелые предположения. Яреци разрыдалась, чего сама Чиеко не позволила себе даже в день смерти мужа, и начала говорить очень быстро и не слишком понятно. Но главное, женщина все же смогла для себя вынести - она поняла, почему ее сын настолько поддался очарованию совсем юной особы, что решил сделать ее частью семьи. Яреци искренне его любила и, насколько это позволяла незрелость юности, проявляла о нем заботу. Она

действительно казалась очень неплохой девочкой, и будь ее возраст лет на десять побольше, Чиэко без особых раздумий дала свое благословение. Но при имеющемся раскладе все эти душевные метания, играли девушке не на пользу.

- Именно про это я и говорила. - Чиэко аккуратно поправила выбившуюся из прически тоненькую прядку волос. - В силу возраста тебе еще не хватает стержня. Буквально несколько минут назад ты утверждала, что никогда не оставишь Тору, а после моих слов сказала, что знаешь о необходимости вашего расставания. Твои признания - все это очень трогательно, но они никак не меняют общей картины. А вижу я перед собой юную девушку, которая хочет любить и быть любимой, и надеется, что с годами ничего не изменится. Не мне решать, что тебе делать. Я не говорю, что ты должна паковать чемоданы и улетать из Японии. Я призываю лишь хорошенько подумать над моими словами.

Чиэко поднялась и бросила на заплаканную девушку сочувственный взгляд. По-своему, ей было жалко девочку, но она считала, что поступает правильно, поднимая вопросы и предлагая их решить до того, как уход от проблем может принести реальный вред.

- Я сейчас вернусь в гостиную, а ты присоединяйся, как приведешь себя в порядок. В течение получаса будет обед и к тому моменту, я надеюсь, ты сможешь сидеть вместе со всеми за столом. В следующий раз приходи в мой дом, когда разберешься со своими желаниями.

Чиэко уже сделала несколько шагов в сторону входа в дом, как резко остановилась и решила добавить:

- Если ты придешь завтра или послезавтра со словами, что со всем определилась, я приму тебя как гостью, но не как члена семьи, поскольку серьезное решение требует времени.

Яреци Фернандез

Почему-то стало очень холодно, и тело начала пробивать крупная дрожь. Так иногда бывает, она читала об этом, что после сильного стресса может бросить в дрожь. Вместе с этим стало страшно. Ей показалось вдруг, что за холодным голосом женщины скрывается усмешка. Теперь вся эта чужая семья в этом чужом мире знает, что избранница Тору - истеричка, которая не знает, чего хочет от этой жизни. Да и которая вообще не знает об этой жизни.

Женщина сказала, что ждет ее в гостиной, там будет обед, но Яреци боялась показываться им на глаза. Почему-то стало страшно перед Тору. Он ведь не хотел ее отпускать разговаривать с матерью, ему было тяжело не броситься на свою маму и сказать, то, несмотря ни на что, останется со своей девушкой. Что бы было в этом случае? Скорее всего, после такого его бы мать просто указала им на дверь, у Тору никогда больше не появилось бы возможности изменить отношение семьи к нему, и он бы так и остался одиноким.

А что стало сейчас? Сейчас было больно и страшно. Она все испортила, и теперь, кажется, эта властная женщина никогда не примет ее в свою семью.

Всхлипы постепенно заканчивались, и она глубоко вздохнула и бросила случайный взгляд на розовый куст. Некоторые розы уже распустились, и девушка слабо улыбнулась. Встала со скамьи и направилась в дом. Надо привести себя в порядок и сесть за стол. И нельзя ничего рассказывать Тору. Это только ее разговор с матерью. О ней. О ее отношении к Тору. Она сама должна понять, что делать дальше...
